

равномъ разстояніи видны были всѣ крайнія точки ея круга: онъ какъ-то всегда очутится, какъ выражался про себя Бѣлинскій,—въ «периферіи»...

Выводы и сама истина такихъ натуръ всегда—крайность, односторонность. Если факты возмущаются, противясь диктатурѣ ихъ выводовъ, такие люди пожимаютъ плечами, какъ-бы и не желая вступать въ споръ: «тѣмъ хуже для фактovъ!» За то, правда, они не станутъ, при невозможности перевести свой идеаль въ действительность,—преобразовывать эту послѣднюю въ свой идеаль (на что всегда были охотники и мастера даже изъ патентованныхъ «великихъ» философовъ), не станутъ, въ нужныя минуты *дѣла* прибѣгать къ способу, такъ сказать, убаюкивающему расходившуюся мысль, едва она достигаетъ порога дѣянія. Бѣда же ихъ въ томъ, что разъ имъ посчастливится съ выводами, они неизменно хотятъ, чтобы *сейчасъ же*, безотлагательно и безъ возраженій, міръ устроился по образу хранящагося у нихъ въ душѣ идеала, иначе, не будучи въ состояніи примирить съ собою окружающей ихъ міръ, они удаляются съ жизненой сцены и пишутъ этому міру проклятие!..

IV-й томъ соч. гр. Толстого—весь, съ его крайностями,—рядъ тѣхъ противорѣчій, свидѣтельствующихъ о совершившемся развитіи самаго автора, которая увѣковѣчили для насъ одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ моментовъ этого развитія. Если и каждый развивающійся человѣкъ интересенъ для нась самъ по себѣ, то человѣкъ, заслуживший наши общія симпатіи, интересенъ долженъ быть для нась вдвойнѣ, интересенъ каждую минуту, даже во всѣхъ своихъ уклоненіяхъ отъ истины! IV-й томъ, съ его противорѣчіями и «страшными словами», весь—opus operans этого мучительного духовнаго роста автора «Войны и мира». Лишь съ такой точки зрѣнія рассматриваемый, онъ получаетъ живой